

ПРИНЦИПЫ ЦЕЛОСТНОСТИ БЫТИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ М. ПРИШВИНА

Статья посвящена определению основных принципов художественной философии М. Пришвина о целостности бытия, воплощенной в образах природы. Анализ его произведений, статей и дневниковой прозы позволяет выявить следующие принципы: «оправдание бытия» и «родственное внимание» к жизни, которые утверждают соподчиненность и содружество человека и природы.

бытие, идея и материя, религиозное содержание эпохи, творчество, традиции восприятия автора, целостность, человек и природа.

Традиции восприятия творчества М. Пришвина различны. Долгое время критики считали его географом, этнографом, певцом природы, асоциальным и аполитичным писателем. В статье А. Крайнего (З. Гиппиус) он назван «бесчеловечным» писателем, равнодушным к общественным проблемам¹. А. Платонов, анализируя пришвинскую «Неодетую весну», утверждал, что «никакой человек автору просто не нужен»². Советские критики упрекали его в «бегстве от живых людей» в природу, в «уходе от современности». А. Ефремин писал: «Путь Пришвина вызывает сомнения – берендеево царство, бегство от людей – все это уводит от современных идеалов и объясняется неумением или нежеланием служить задачам классовой борьбы и революции»³. М. Григорьев говорил не только об ограниченности мировоззрения художника, но и об ущербности героев его произведений – путешественников в «края непуганых птиц», стремящихся «выключить себя из потока классовой борьбы»⁴. В противоположность этим мнениям А. Ухтомский сказал о Пришвине как о писателе с «доминантой на лицо другого»⁵. Ю. Казаков воспринял писателя как психолога, отмечая, что «в каждом человеке есть свое тайное, запрятанное... ни один из советских писателей не трогает так это тайное, как Пришвин»⁶.

Взаимоисключающие оценки Пришвина отражали лишь определенные стороны его творчества. Современные исследователи, находясь в начале пути

¹ Крайний А. Литераторы и литература // Русская мысль. 1912. № 5. С. 28.

² Платонов А. Неодетая весна: повесть М. Пришвина // Собр. соч. : в 3 т. Т. 2. М., 1985. С. 400.

³ Ефремин А. Михаил Пришвин // Красная новь. 1930. № 9–10. С. 220–221.

⁴ Григорьев М. Бегство в берендеево царство // На литературном посту. 1930. № 8. С. 60.

⁵ Ухтомский А. Из письма к Е.И. Бронштейн-Шур // Воспоминания о Михаиле Пришвине. М., 1991. С. 155.

⁶ Казаков Ю. Две ночи. М., 1986. С. 29.

к подлинному осмыслению его индивидуальности, приходят к пониманию, что творчество писателя – это художественная философия целостности бытия, основанная на идее сотворчества человека и природы. Отмечается в качестве одной из заслуг писателя в духовной жизни нашего общества созидание нового мышления – представления о «взаимозависимости истории природы и истории человечества»⁷. Его называют «великим писателем-экологом», художественная концепция которого позволяет человеку понять свое истинное место среди всех других участников жизни⁸. Пришвин, утверждая целостность бытия, определил основные принципы единства человека и природы, реальности и духовного становления человека.

Во-первых, «оправдание бытия»⁹ – оправдание «не духовной жизни, не плотской, а просто жизни»¹⁰. Пришвин размышлял о вечном противостоянии идеи и материи в жизни человечества. Реальные права материи, плоти, природы нарушила, по его мнению, эпоха Серебряного века, возвысив идею, дух, культуру, восстановление же этих прав произошло в период революции 1917 года. Он не принял революционного переустройства жизни, считая, что Советы «подкупили народ русский, соблазнили, поймали мужика на землю», пообещав «рай земного счастья»¹¹. Но писатель понимал, что России не миновать этого испытания. «Почему я не приемлю эту власть, – пишет он, – ведь я вполне допускаю, что она... сдвинет Русь со своей мертвой точки, я понимаю её как необходимость...»¹².

Необходимость власти большевиков с ее социализмом и утверждением прав материи, с точки зрения Пришвина, напрямую связана с состоянием христианства в России: «Социализм есть голос материи... заявление самой материи о том, что она живая»¹³, а христианство «перегнуло слишком... в сторону духа и задело этим творчество тела до такой степени, что произошло восстание плоти... пролетарий добивается не духовных ценностей, а материальных благ»¹⁴. В дневнике он оставил зарисовку под названием «Материальная жисть»: «С верхней полки некто крикнул: «Всех, кто верит в религию, считаю за шарлатанов». Снизу кто-то ответил: «Во что же ты сам веришь?» Тогда верхний, отчеканивая каждое слово и как бы побивая нижнего камнями, ответил: «Я верю в материальную жисть»¹⁵.

Размышления Пришвина о христианстве были его попыткой понять религиозное содержание современности. Он так воспринимал Евангелие и его героя:

⁷ Гринфельд Т.Я. Мир как единство в творчестве М. Пришвина // Михаил Пришвин и русская культура XX века. Тюмень, 1998. С. 168.

⁸ Янович-Страда К. Михаил Пришвин // История русской литературы: XX век: Серебряный век. М., 1995. С. 318.

⁹ Пришвин М.М. Дневники. 1923–1925. М., 1999. С. 17.

¹⁰ Пришвин М. О Розанове // Контекст-1990. М., 1990. С. 176.

¹¹ Пришвин М.М. Дневники. 1918–1919. М., 1994. С. 137.

¹² Пришвин М.М. Дневники. 1920–1922. М., 1995. С. 211.

¹³ Пришвин М.М. Дневники. 1905–1954 // Собр. соч. : в 8 т. М., 1982–1986. Т. 8. С. 153.

¹⁴ Пришвин М.М. Дневники. 1926–1927. М., 2003. С. 107.

¹⁵ Пришвин М.М. Дневники. 1923–1925. С. 121.

«Герой Евангелия – настоящий проstack, уничтожающий книжников и фарисеев. Евангелие – радость жизни, коронованная смертью. Все это теперь затемнено грехами церкви, этой щелью, через которую вырвался бунт масс с их социализмом»¹⁶. Писатель также утверждал, что социализм, вышедший из религии, «осуществляла определенная секта, называвшаяся “интеллигенцией”»¹⁷. Он выступил против «бумажных» идей интеллигенции и ее беспочвенности: «Идеи, мне кажется, как ложное солнце, немного сдвинуты в сторону от святящегося живого солнца, и если метить в тело, ставя прицел на идею, то снаряд полетит мимо. Так, идея Прекрасной Дамы приводит Дон-Кихота даже не к Альдонсе, а к какой-то безобразной девке... Светило Прекрасной Дамы уже погасло, и Дон-Кихот следовал только принципу Дамы, призрачному и несуществующему... Вот теперь я начинаю понимать, что так разделяло меня с романтиками, почему Блок, Пяст, Гиппиус, Карташов и другие казались мне людьми какой-то высшей породы, высшего постижения, высшей учености, чем я, и в то же время одной половинкой мне стыдно было за себя и другой половинкой за них: я и уважал их, и тяготился ими... Они были литературно, бумажно романтиками: они, получив какой-нибудь слабый жизненный толчок, целиком ушли в словотворчество, прислоняясь к тому светилу прошлого, от которого у нас теперь осталась только идея... А я, переживая все то же не на словах, а в самой жизни... не смея это извлекать из себя, потому что живому жалко с жизнью расстаться»¹⁸.

Пришвин, отрицая элитарность, идейность представителей Серебряного века, в то же время открыл, что большевистский социализм не восстановил «творчества тела». Писатель размышлял о том, каким социализм должен быть в России: социализм – это «религия жизни: рождения, труда, общества, государства – вот чем должен быть социализм»¹⁹, а он осуществился как бюрократизм, материализм – «механическое понимание человека и общества»²⁰, он умертвил все живое и уничтожил все духовные сферы, сведя материальную жизнь к самым низким и грубым формам.

В ситуации противостояния духовной и плотской жизни надежда Пришвина на достижение целостности бытия связана с оправданием не идеи, не материи, а с оправданием «просто жизни» – «драгоценнейшего потока»²¹, изображение которого станет главным в его творчестве.

Второй принцип – «родственное внимание» к жизни – понимание красоты природы²². Пришвин во всех своих произведениях возвращал реальности ее подлинное прекрасное содержание. Так, в книге «Родники Берендея» он представил образ болота, который отличается от наших о нем представлений: «В болоте живу, где качается земля и человек висит над темной бездной, опираясь

¹⁶ Там же. С. 28.

¹⁷ Пришвин М.М. Дневники. 1926–1927. С. 53.

¹⁸ Пришвин М. О Розанове. С. 178.

¹⁹ Пришвин М.М. Дневники. 1926–1927. С. 115.

²⁰ Пришвин М.М. Дневники. 1928–1929. М., 2004. С. 120.

²¹ Пришвин М. О Розанове. С. 176.

²² Пришвин М.М. Лесная капель // Собр. соч. Т. 5. С. 41.

ногой в скопления растений, где зарождаются туманы и создаются небеса». Для писателя болото – это природная и вместе с тем духовная реальность, которая соединяет небо и землю, это – сфера идеального, существующего в самой реальности, хотя и не всем доступного. Болота – царство Берендея – Пришвин даже связывает с образом Невидимого града: «Берендей потому мудрый царь, что заставил себе служить всё, что люди называют злом: комары, слепни, гнус, и топь, и кочки – все это охраняет Берендеево царство от вторжения недостойных людей. Поэтому попасть в Берендеево царство все равно, что в Невидимый град: надо потрудиться, надо быть сильным и чистым сердцем»²³.

«Родственное внимание», по мысли писателя, помогает понять, что в природе находятся истоки творчества, сущность которого – «движение, перемена и явление недостижимого»²⁴. Пришвин, стремясь объяснить творческое начало природы, описывал ее постоянное движение. Так, в «книге бытия» «Календарь природы», которая состоит из четырех частей – «Весна», «Лето», «Осень», «Зима», его герой совершает путешествие на планете Земля вокруг Солнца и отмечает каждодневное движение в реальности. Он рассказывает о самых простых способах постижения перемен: «Измеряю глубину снега, толщину льда на озере, отмечаю всякое новое явление в жизни природы»²⁵.

Движение в природном мире зависит от «золотой работы» Солнца, которое, как замечает писатель, придает временам года различные цвета. В небесные цвета – белый, голубой, синий – окрашено его любимое время года – весна. Пришвин каждый год 25 декабря отмечал день рождения весны, день солнцезаворота. Это – весна света, время увеличения светового дня. Второй весенний праздник – весна воды, когда пробуждаются реки и озера, птицы и животные. Третий праздник – весна зелени. Яркими, пестрыми красками передается расцвет природы – лето. «Умирание света» солнца – это осень²⁶. Зима – белое спокойствие «братской могилы природы» и предчувствие нового рождения – движения по кругу жизни²⁷. Ведя подробные записи своих наблюдений, он фиксировал каждое мгновение природы. Так, в апрельском дневнике Пришвин отмечает: «В листве под деревьями начинают оживать разные жуки», «начало движения сока у берёз», «пролёт гусей», «прилёт коршунов», «зацветание орешника», «прилёт и кукование кукушек» и т.п. Подробные записи движения природной жизни открывали писателю особое свойство творчества человека: встречать мгновения текущего бытия и оставлять их в вечности. «Искусство – пишет он, – это смерть живой жизни, оно ловит мгновение, оставляя после встречи с ним памятники»²⁸.

Принцип «родственного внимания» к окружающему миру основывался у писателя на чувстве «общей неразрывной связи с природой», поэтому он у-

²³ Пришвин М.М. Календарь природы // Собр. соч. Т. 3. С. 246.

²⁴ Пришвин М.М. Дневники. 1923–1925. С. 312.

²⁵ Пришвин М.М. Календарь природы // Собр. соч. С. 345.

²⁶ Там же. С. 328.

²⁷ Пришвин М.М. Дневники. 1905–1954 // Собр. соч. С. 123.

²⁸ Пришвин М.М. Дневники. 1920–1922. С. 34.

верждал: «Дошупаться до материи – значит одухотворить ее, вызвать к жизни блистающий дух»²⁹. Но пришвинское «родство» с окружающим миром воспринималось критиками как «особое», далекое от советской жизни. Известен курьезный случай, когда О. Брик указал писателю на то, что в его рассказах нет советского духа:

– Вот, к примеру, вы пишете о вороне, а не чувствуется, что это наша, советская ворона...

– Как? – вскричал Михаил Михайлович. – Советская ворона?

– Да, да! – настаивал Брик. – Именно не чувствуется. Конечно, сердцу не прикажешь³⁰.

Реализация принципов «оправдания бытия» и «родственного внимания» к природе возможна по Пришвину только тогда, когда у личности есть свобода творчества. Он отмечает, что в Советской России писатели не могут свободно пользоваться «словом». Например, ему не удалось опубликовать повесть «Мирская чаша». От Л. Троцкого он получил рецензию: «Признаю за вещь крупные художественные достоинства, но с политической точки зрения она сплошь контрреволюционная». У писателя вырываются горькие слова: «Паспорт, во всяком случае, дан... Еще я понял, что в России никогда не напишу легальной вещи»³¹.

Пришвин в условиях внешней несвободы сохраняет внутреннюю свободу, продолжая представлять идею целостности бытия. Писатель утверждал: «Я не нуждаюсь в богатстве, славе, власти, я готов принять крайнюю форму нищенства, лишь бы оставаться свободным»³². Эта независимость художника вызвала ненависть со стороны советских идеологов. В газете «Известия», учитывая социальное происхождение писателя, они назвали его «беленьким» и «попутчиком», переживали, что он «получает паек, а пролетарским писателям ничего не достается»³³. Пришвин отвечал: «Я дикий писатель (попутчиком никогда не был)» и предупреждал советскую власть: «буду драться и безобразничать... буду раздавать все, как Максим Горький, пропивать, как Есенин... в действительном творчестве все равны»³⁴. Но власть не принимала «равенства» в творчестве, и тон общения с «попутчиками» задал Н. Бухарин в статье «Злые заметки», которую Пришвин назвал «хулиганской статьёй», вызвавшей у него «горечь, и возмущение, и унижение»³⁵. Размышляя о судьбах истинных художников, он пришел к выводу: их жизнь во все времена будет связана с трагедией, потому что каждый из них будет отстаивать свое право на выражение общечеловече-

²⁹ Пришвин М.М. Дневники. 1923–1925. С. 154.

³⁰ Пришвин А. Вечные строки: Воспоминания о встречах с М.М. Пришвиным. Хабаровск, 1965. С. 60–61.

³¹ Пришвин М.М. Дневники. 1923–1925. С. 312.

³² Пришвин М.М. Дневники. 1918–1919. С. 201.

³³ Пришвин М.М. Дневники. 1920–1922. С. 266.

³⁴ Пришвин М.М. Календарь природы // Собр. соч. С. 33.

³⁵ Горький и советские писатели: неизданная переписка // Литературное наследство. М., 1963. Т. 70. С. 341.

ских идеалов. Писатель назовет их: «Есенин, Клюев... да как подумаешь, их порядочно, и Горький, и Бунин, и я сам»³⁶.

Позиция целостности бытия, основанная на принципах «оправдания бытия» – «драгоценнейшего потока» и «родственного внимания» к жизни, заняла главное место в произведениях Пришвина. На протяжении всего своего творческого пути писатель продолжал ее развивать и углублять: «Благословить все существующее с его добром и злом и решительно встать на сторону человека в природе, созидающего небывалое, лучшее»³⁷.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горький, М. О М. Пришвине [Текст] // Горький и советские писатели: неизданная переписка (литературное наследство). – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 70.
2. Григорьев, М. Бегство в берендеево царство [Текст] // На литературном посту. – 1930. – № 8. – С. 48–61.
3. Гринфельд, Т.Я. Мир как единство в творчестве М. Пришвина [Текст] // Михаил Пришвин и русская культура XX века. – Тюмень : Вектор Бук, 1998. – С. 164–168.
4. Ефремин, А. Михаил Пришвин [Текст] // Красная новь. – 1930. – № 9–10. – С. 219–223.
5. Казаков, Ю. Две ночи [Текст]. – М. : Современник, 1986. – 335 с.
6. Крайний, А. Литераторы и литература [Текст] // Русская мысль. – 1912. – № 5. – С. 26–31.
7. Платонов, А. «Неодетая весна»: повесть М. Пришвина [Текст] // Собр. соч. : в 3 т. – Т. 2. – М. : Сов. Россия, 1985. – С. 398–404.
8. Пришвин, А. Вечные строки: Воспоминания о встречах с М.М. Пришвиным [Текст]. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1965. – 96 с.
9. Пришвин, М.М. Дневники. 1918–1919 [Текст]. – М. : Моск. рабочий, 1994. – 383 с.
10. Пришвин, М.М. Дневники. 1920–1922 [Текст]. – М. : Моск. рабочий, 1995. – 334 с.
11. Пришвин, М.М. Дневники. 1923–1925 [Текст]. – М. : Рус. книга, 1999. – 416 с.
12. Пришвин, М.М. Дневники. 1926–1927 [Текст]. – М. : Рус. книга, 2003. – 586 с.
13. Пришвин, М.М. Дневники. 1928–1929 [Текст]. – М. : Рус. книга, 2004. – 540 с.
14. Пришвин, М. О Розанове [Текст] // Контекст-1990 : литературно-теоретические исследования. – М. : Наука, 1990. – С. 161–218.
15. Пришвин, М.М. Собр. соч. [Текст] : в 8 т. – М. : Худож. лит., 1982–1986.
16. Янович-Страда, К. Михаил Пришвин [Текст] // История русской литературы: XX век: Серебряный век. – М. : Прогресс-литера, 1995. – С. 311–318.

³⁶ Пришвин М.М. Дневники. 1905–1954 // Собр. соч. С. 592.

³⁷ Там же. С. 302.